

Концептуальные подходы к этнической политике и перспективы противодействия дискриминации*

Последние годы примечательны тем, что пишущие про так называемые «этнические проблемы» исследователи, журналисты, правозащитники быстро осваивают новые понятия - «дискриминация», «защита меньшинств», «мультикультурализм», «толерантность» и пр. Вероятно, недолго ждать и попыток расширить сферу их использования в законодательстве. В принципе, эти термины известны в нашей стране давно, но до последнего времени использовались редко. Что более существенно - даже продвинутая публика имеет смутное представление о подходах, которые за ними стоят, и о связанных с ними зарубежных дискуссиях. Чего можно ждать от распространения новых слов? Каждое из них предлагает определенную перспективу восприятия и описания социальной реальности и свой способ постановки проблем. У них непростая история, и все они многозначны. Они приходят не на пустое место – советские, а затем российские политики, юристы и разные «специалисты по национальному вопросу» создали свой словарь для описания этничности и ее роли в обществе.

Поведение людей в обществе запрограммировано тем, какими представлениями об обществе они оперируют, а представления неотделимы от принятых понятий. Распространенная ошибка – смешивать способ описания действительности со свойствами самой действительности. Не следует думать, что есть некая существующая сама по себе социальная реальность, а представления об этой реальности просто отражают ее «объективные» черты, причем отражают независимо от того, какими языковыми средствами эти представления сформулированы. Напротив, система понятий формирует не только картину мира в головах тех, кто эту систему использует, но и способ постановки проблем, а, значит, и возможную программу действий. Есть еще проблема управления смыслами: содержание каждого понятия проявляется по-разному в разных контекстах и в зависимости от того, каким фоновым знанием располагают те, кому понятие адресовано. Наложение разных перспектив и разных фоновых знаний может приводить порой к неожиданным результатам.

Разумеется, было бы крайней самонадеянностью в короткой статье описать все перспективы и риски, связанные со смешением словарей, в том числе в законотворческой и правоприменительной деятельности, затрагивающей этнические вопросы. Здесь я просто попробую показать, что ожидания, вызванные прогрессивными веяниями вроде внедрения «толерантности» или противодействия дискриминации, могут оказаться сильно завышенными.

Разговор надо начать с маленького отступления. В России власть, научное сообщество и публика в целом воспринимают этническую тематику, следуя определенным мыслительным навыкам, которые в современных общественных науках собирательно именуется словом «эссенциализм»¹. Проще говоря, то, что называется «этничностью», воспринимается и описывается не как возникающее в отношениях между людьми и в представлениях об этих отношениях, а само по себе,

---

* Опубликовано в: Вестник публичного права. 2003, № 3, С.6-12, а также на: <http://xeno.sova-center.ru/29481C8/2E82892>

¹ См. Малахов В. Загадка этничности // *Скромное обаяние расизма и другие статьи.* – М.: Дом интеллектуальной книги и «Модест Колеров», 2001, С.106-133

как некая объективно существующая субстанция. Люди привычно рассматривают «этническое» как сущностную и объективную характеристику индивидов и коллективов; «этнические» черты автоматически приписываются особенностям поведения, мышления, культуры, образа жизни, тех или иных форм деятельности и пр. Традиционно (в рамках официальной советской теории «национального вопроса» или различных «теорий этноса») общество рассматривается как сумма «наций», «этносов», «национальных общин», которые представляют собой своего рода корпоративные личности со своей внутренней структурой, интересами, способностью предпринимать осознанные действия и т.п. Соответственно, этнические группы рассматриваются как социальные организмы и субъекты общественных отношений. Такие представления чаще не артикулируются открыто, а, присутствуя в официальном и обыденном языке, воспринимаются как данность по умолчанию и неререфлективно.

Рассмотрим несколько основных концептов, которыми оперируют или собираются оперировать люди, причастные или желающие быть причастными к формированию экспертных и массовых представлений об этнических проблемах и к процессу принятия решений в этой области.

Старые понятия.

Старыми их можно называть очень условно: они находятся в активном употреблении едва ли более 15 лет и пока не собираются из него выходить.

«Межнациональные/межэтнические отношения». Выражение обычно используется в сочетаниях «регулирование (вариант – совершенствование) межнациональных/межэтнических отношений». Находит применение преимущественно в Концепции национальной политики РФ 1996 г. и в аналогичных «концепциях» и «программах», принимаемые органами власти субъектов федерации. Кроме того, оно служит одним из основных понятий в рабочем словаре тех структур и лиц, в чьи официальные обязанности входит проведение той самой «политики».

Какую нагрузку оно несет? По смыслу выражения, есть некие «межэтнические отношения», которые представляют собой особую, качественно специфическую область общественной жизни. Чем же «межнациональные» отношения отличаются от «просто» общественных отношений? Следует ли думать, что если какую-либо сделку совершают лица одной «национальности», то они вступают в «обычные» гражданско-правовые отношения, а если разных «национальностей» – то в «межнациональные»? Можно ли утверждать, что если гражданин, относящийся к этническому большинству, выставляет свою кандидатуру на выборах, то он «просто» реализует свое конституционное право, а если он относится к меньшинству, то следует уже говорить об «активности диаспоры» и о тех же «межэтнических отношениях»?

Возможных ответов два. Первый - все разговоры про «регулирование межнациональных отношений» есть чистой воды демагогия. Второй – это заявка государства на то, чтобы по-разному относиться к лицам разной этнической принадлежности и к тому, как и какие права те реализуют. Это определенно вытекает из допущения, что внутри «просто» конституционно-правовых, гражданско-правовых, административных, семейных и прочих отношений существуют некие «межэтнические отношения», требующие специфического регулирования. Первый ответ представляется более правдоподобным, но даже и в этом случае оперирование понятием «межэтнические отношения» означает, что люди предстают перед

государством не как равные человеческие личности, а как различающиеся между собой существа *этнические*.

«Развитие народов». Варианты – «национальное развитие», «этноконфессиональное развитие». Используется также выражение «национальное развитие граждан», хотя, как правило, речь идет о «развитии» этнических общностей. Это уже ключевой концепт и федерального, и регионального законодательства, он присутствует в Законе РСФСР "О реабилитации репрессированных народов" 1991 г., Законе РСФСР "О языках народов Российской Федерации" 1991 г., Федеральном законе "О национально-культурной автономии" 1996 г., не говоря уже про Концепцию национальной политики РФ вместе с федеральными и региональными программами. Пункт «е» ст.72 Конституции РФ содержит упоминание «основ федеральной политики» и «федеральных программ» в области «национального развития». Первый перестроечный закон СССР (1990 г.), прямо посвященный этническим вопросам, так и назывался «О национальном развитии граждан, проживающих за пределами своих национально-территориальных или национально-административных образований».

Сразу же напрашиваются наивные вопросы – о развитии, собственно, кого идет речь? И чем «национальное» развитие отличается от развития «просто» социального, экономического, культурного и пр.? Есть единая страна с единым гражданством, единой правовой системой, единой экономикой, единой системой образования и пр. Как, например, из общего экономического развития РФ вычленить отдельно «развитие» русских, а из развития, к примеру, Чувашской Республики – «развитие» чувашей? В каком смысле можно говорить о «развитии» дисперсных этнических общностей, например, украинцев в России? Следует ли считать «развитием» выравнивание статистических показателей разных национальностей – уровня доходов, уровня образования, профессионального состава? Но государство, вроде бы, не борется за полное социальное равенство, да и какое отношение к «развитию» имеет выравнивание социальных параметров? Может быть, имеется в виду «развитие» каких-то специфических компонентов экономики и культуры? Совершенно непонятно, что можно понимать под «традиционными» и «этническими» чертами хозяйства и культуры. Разве что народные промыслы и фольклор, которые реально представляют интерес разве что для немногочисленных любителей экзотики. И уж полный туман во всем, что касается «национального развития» отдельно взятого гражданина.

Опять демагогия? Не совсем. Скорее, приходится говорить о механическом следовании устоявшемуся ментальным клише. Принятая фигура речи отражает определенные базовые представления и подходы, которые можно назвать этнизацией социального, а именно перетолкованием различных социальных явлений и процессов в качестве «(меж)этнических». Выстраивается такая логическая цепочка: государство исходит из представлений о том, что общество представляет собой сумму относительно изолированных этнических групп, жизнь и деятельность этих групп («развитие») в принципе являются объектом государственной политики, государство по своему усмотрению решает, какие именно компоненты общественной жизни следует считать «этническими», какие способствуют этническому «развитию», а какие нет, какие на этом основании следует поддерживать, а каким – препятствовать. Риторически и идеологически власть резервирует за собой право регулировать жизнь общества, руководствуясь при этом этническими соображениями.

«Межэтнический конфликт». Концепт тоже почти не встречается в правовых текстах, но очень широко используется чиновниками, отвечающими за

«национальную» и «миграционную» политику, не говоря уже о различной пишущей публике. «Конфликт» - понятие весьма емкое и обозначает самые разные ситуации столкновения несовпадающих воли и интересов. В некоторых такого рода ситуациях участники противостояния могут формулировать и репрезентировать свои цели и действия в этнических категориях, и в этом смысле можно говорить об этнических конфликтах. В нашем обыденном языке и языке элит этнический конфликт сводится к противоборству этнических групп как таковых, которые выступают в качестве реальных субъектов общественных отношений, защищающих свои «этнические» интересы. Следствия – коль скоро принимается, что общество «естественно» поделено на этнические группы, а групповые интересы не могут всегда совпадать, то этнические конфликты следует воспринимать как своего рода стихийное бедствие, за которое государство само по себе не несет ответственности. С одной стороны, возникает соблазн объяснять и оправдывать этническое насилие, радикальный национализм, дискриминацию, возбуждение этнической вражды как «конфликт» между естественным образом враждующими «общинами». С другой – лозунгом предотвращения «конфликтов» можно оправдать или репрессивные действия власти против тех или иных неугодных этнических групп, или, наоборот, бездействие и попустительство радикальным группировкам².

Новые понятия.

Дискриминация. В общем смысле под расовой или этнической дискриминацией следует понимать проведение различий по расовому, этническому или сходным признакам, носящее произвольный и необоснованный характер и причиняющее любой вред одной из сторон (физических лиц или коллективных образований), между которыми проводится различие. Российское внутреннее законодательство не содержит определения дискриминации ни на уровне нормативных актов, ни на уровне официальных разъяснений судов. Это понятие использовано в части 3 ст. 37 Конституции РФ и в Трудовом Кодексе 2001 г., но без определения и разъяснений.

Как известно, часть 2 ст. 19 Конституции РФ устанавливает, что "государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности". Эти положения не содержат определения дискриминации и допускают различные интерпретации. Едва ли здесь можно увидеть четкий и недвусмысленный запрет любого посягательства на равенство прав и свобод или как обязанность государства искоренять нарушения равенства. Второе предложение второй части налагает запрет только на "ограничение прав", только по закрытому списку из пяти признаков и только в отношении "граждан". Отраслевое законодательство эти положения существенно не развивает, и с небольшими оговорками можно утверждать, что правоприменительная практика в области предотвращения и ликвидации дискриминации отсутствует. Отсутствует и профессиональная дискуссия по теме, и нет признаков, что она может начаться в обозримом будущем. Пока что есть лишь основания утверждать, что сложившееся положения побуждает правоприменителей, столкнувшись с проблемой обеспечения

---

² Подробнее см. Осипов А.Г. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // *Расизм в языке социальных наук.* / под ред. В.Воронкова, О.Карпенко, А.Осипова – СПб.: Алетейя, 2002.

и защиты равенства прав и свобод, истолковывать понятие дискриминации в предельно узком смысле.

Другая сторона проблемы - в той эволюции, которую претерпело значение слова «дискриминация» в последние десятилетия. В антидискриминационном законодательстве и судебной практике США, а позднее и других западных стран, дискриминация изначально понималась и понимается как конкретные деяния, заключающиеся в неправомерном проведении различий по расовому или этническому признакам. Противодействие таковым посредством установления мер пресечения, привлечения к ответственности и возмещения причиненного вреда, как обнаружилось, устраняет далеко не все проблемы. В юридической практике и в публичной дискуссии границы понятия стали постепенно раздвигаться. Возникло и вошло в правовую практику понятие «косвенной» дискриминации, обозначающее нейтральные и не проводящие различий по этническому признаку требования или правила, которые оказывают непропорционально негативное воздействие на разные этнические группы³. Оказалось, что дискриминацию невозможно объяснить предубеждениями отдельно взятых лиц, и что она носит институциональный характер, то есть является продуктом устойчивых общественных отношений⁴. При таком подходе постепенно снимается вопрос о субъективной стороне дискриминации, и полностью исчезает грань между правомерными и неправомерными деяниями. Наличие или отсутствие дискриминации оценивается по результату – по непропорциональному воздействию на разные расовые или этнические группы. Дискриминация постепенно переосмысливается как этническое измерение социального неравенства и как отношения «доминирования» и «эксплуатации» между расовыми или этническими группами как таковыми⁵. Вместо правовой или социологической теории возникает набор радикальных политических лозунгов. В последнее время подобное понимание «расизма» и «дискриминации» прикладывается уже к международным отношениям, а именно к неравенству между «Севером» и «Югом»⁶. Не вдаваясь здесь в детали, можно сказать, что такие подходы до мелочей напоминают хорошо знакомую нам идеологию классовой борьбы. Леворадикальная и леволиберальная критика современного капитализма, помноженная на лоббизм этнических активистов, в сочетании с испугом правящих кругов создала поистине гремучую смесь.

Что мы можем ожидать здесь, у себя от введения в оборот слова «дискриминация»? Велика вероятность, что оно будет осваиваться в политическом, лозунговом исполнении именно как обозначение символического или статистического неравенства между этническими группами. Другими словами, мы получим еще один способ истолкования социальных проблем в качестве этнических и выстраивания межгрупповых границ. «Дискриминация» будет ассоциироваться с выяснением того, насколько равномерно ресурсы распределяются между этническими группами и кто из них может претендовать на звание «угнетателя» и «эксплуататора». Впрочем, нечто подобное можно услышать или прочитать уже

---

³ Lustgarten, L. Racial inequality and the limits of law // Jenkins, R., Solomos, J. (Eds) *Racism and Equal Opportunity Policies in the 1980s*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987, pp.17-18.

⁴ Подробнее см. Pincus, F. From individual to structural discrimination // Pincus, F., Ehrlich, H. (Eds) *Race and Ethnic Conflict. Contending Views on Prejudice, Discrimination and Ethnoviolence*. – Boulder, Colo.: Westview Press, 1994, pp. 82-87; Jenkins, R. *Racism and Recruitment. Managers, Organisations and Equal Opportunity in the Labour Market*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

⁵ Такие подходы изложены, например, в: Feagin J., Feagin C. *Discrimination American Style. Institutional Racism and Sexism*. - 2nd ed.- Malabar, Fla: Robert Krieger Publishing Co, 1986.

⁶ См. *После Дурбана: Всемирная конференция против расизма и российские НПО* – М.: Центр развития демократии и прав человека, 2002.

сейчас. В таком случае профессиональная дискуссия о дискриминации как правовом понятии и противодействии дискриминации как перспективном, хотя и имеющем ограниченные возможности юридическом инструменте, может никогда и не начаться. Еще меньше шансов на то, что этот инструмент будет закреплен во внутреннем законодательстве и найдет разумное применение.

Меньшинства. Этот концепт очень и очень непросто в обращении, и не хотелось бы, чтобы не критическое отношение к инструментам ОБСЕ и Совета Европы помешало увидеть трудности и риски, связанные с их освоением. Понятие «национальные меньшинства»⁷ явно перегружено смыслами⁸. Оно есть продукт европейской истории, и появилось как производное от идеи «национального» государства. В этой перспективе «меньшинству» противостоит «нация», понимаемая в культурно-этническом смысле. Иными словами, «меньшинство» и «нация» есть в принципе явления одного порядка – это группы, отличающиеся языком и культурой – но наделенные разными статусами. «Нация» имеет «свою» государственность и территорию, а меньшинства – это находящиеся в подчиненном положении «гости», некий элемент внешней среды, который «нация» соглашается терпеть. Лозунги признания и защиты меньшинств выступают как форма утверждения «национального» государства, а значит, оборачиваются риторикой исключения «других». Подобные представления в Европе со временем трансформировались, но отношение к термину «меньшинство» как имеющему отчетливо негативные оттенки, то есть обозначающему подчиненное и не вполне легитимное положение, остается весьма распространенным⁹.

Вместе с тем, идея меньшинств как теоретическая модель позволяет описывать и проблематизировать некоторые важные ситуации. Если решения в обществе принимаются по воле большинства, то меньшинство не может, используя обычные процедуры, обеспечить свои интересы, и требуются особые механизмы их учета и защиты. Если меньшинства – это те, кто не относится к культуре «мэйнстрима» (включая основной литературный общедоступный язык и базовые нормы поведения и коммуникации), то они нуждаются в защитных механизмах, поскольку вынуждены к этой культуре адаптироваться и оказываются в сравнительно неблагоприятном положении.

Никому пока еще не удалось выработать общепризнанную дефиницию меньшинства. Обычно делаются попытки в одном определении совместить описание трех совершенно разных видов общественных отношений: отношений по поводу категоризации и статистического учета населения (кого к каким группам можно отнести и кто в арифметическом меньшинстве), отношений доминирования и власти (упрощенно говоря, кто к кому вынужден приспособливаться) и отношений внутригрупповой солидарности. Неудивительно, что подобные умозрительные карточные домики рассыпаются при соприкосновении с реальностью. Очевидная слабая сторона идеи меньшинств – это допущение, что группу можно рассматривать как изолированную и относительно однородную культурную целостность, имеющую границы, членство, четкие отличительные признаки и способную действовать солидарно. Если мы пытаемся рассматривать меньшинство именно как определенный круг лиц, а принадлежность к меньшинству – как юридическое состояние, то неизбежно заходим в тупики. Возникнет масса трудноразрешимых

---

⁷ В данном случае нет нужды вникать в нюансы различий между терминами «национальные», «этнические», «языковые» и пр. меньшинства.

⁸ Подробнее см. Соколовский С.В. *Права меньшинств. Антропологические, социологические и международно-правовые аспекты.* – М.: МОНФ, 1997

⁹ Здесь я воздержусь от рассмотрения ассоциаций, вызываемых словом «нацмен» в бывшем СССР

вопросов: как определить критерии принадлежности лица к меньшинству, как определить, какие группы могут претендовать на звание меньшинства, а какие нет, как реагировать на усложнение этнического состава населения и пр.

Если рассматривать меньшинство как юридическую фикцию – тогда все встает на свои места. В этом случае допущение, что меньшинство есть группа, отличающаяся от большинства по определенным параметрам, равнозначно двум суждениям. Первое - часть общества нуждается в особых гарантиях общих прав человека и гражданина. Второе - со стороны этой части есть спрос на определенные услуги, прежде всего в области языка и культуры, этот спрос относится к области публичных интересов и должен удовлетворяться за счет ресурсов публичного сектора. Эти общие принципы можно воплотить в правовых нормах и не прибегая к дефинициям или спискам национальных меньшинств (без чего, кстати, прекрасно обходится внутреннее законодательство большинства стран Европейского Союза).

Если проанализировать международные инструменты, относящиеся к меньшинствам, то нетрудно увидеть, что только положения относительно предотвращения и ликвидации дискриминации требуют установления правоотношений между индивидом и государством. Но в этой области не требуется определять ни меньшинство, ни круг лиц, к нему относящихся. Международные обязательства относительно предотвращения и ликвидации дискриминации касаются всех лиц, находящихся под юрисдикцией соответствующего государства. В иных ситуациях речь, по сути, идет об отношениях между государством и общественными институтами, а не физическими лицами. Это снимает вопрос о дефиниции меньшинства и об отраслевой правосубъектности лиц, относящихся к меньшинству. Кстати, тем самым также снимается или сокращается по масштабу вопрос о гражданстве лиц, относящихся к меньшинствам. Разумеется, у государства могут быть приоритеты в поддержке тех или иных языков, образовательных программ или учреждений, но их выбор допустимо и разумно рассматривать как технический вопрос, а не идеологическую проблему.

В отличие от понятия «дискриминации» термин «национальные меньшинства» уже стал в нашей стране предметом публичных дебатов, и уже ясно, какое направление приняли эти дебаты. С начала 90-х годов почти до настоящего времени сначала в Верховном Совете РФ, потом в Государственной Думе периодически возобновлялась работа над законом о национальных меньшинствах, а Правительство РФ старалось вставить этот концепт в проекты законов о национально-культурной автономии. Основные (и безуспешные) усилия при этом оказались затрачены на выработку определения национального меньшинства. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что все попытки выдержаны в последовательно националистическом духе. Меньшинства определяются, если пользоваться советским жаргоном, как «некоренные национальности», то есть этнические группы, живущие вне «своей» этнической территории или «своей» государственности, либо же таковой вообще не имеющие¹⁰. Кстати, содержательно все подобные проекты практически ничего не добавляют к уже имеющемуся законодательству, гарантирующему общегражданские права на объединение, на выбор национальной принадлежности, на выбор языка общения и обучения, свободу культурной деятельности и пр.

В последние годы в России на многочисленных конференциях и семинарах последних лет, посвященных «национальной политике», идет увлекательная дискуссия вокруг трех вопросов. А именно, как определить, что есть «настоящие» национальные меньшинства, как правильно установить иерархию меньшинств

---

¹⁰ Подробнее см. *Основы национальных и федеративных отношений*. – М.: Издательство РАГС, 2001, С.123-124.

(«внутренние» меньшинства вроде карел за пределами Карелии, русские в республиках РФ, национальности, «имеющие» государственность вне РФ, автохтонные для РФ этнические группы без государственности и пр.), и каким образом устанавливать «реальную» принадлежность гражданина к национальному меньшинству. Иными словами, начавшееся публичное обсуждение уже свелось к риторическому выстраиванию этнических границ и иерархии статусов без серьезных попыток как-то обратиться к содержательным вопросам. Предложения отделять меньшинства от неграждан тоже не выглядят разумными и обоснованными. Прямого соответствия между гражданством, с одной стороны, и ограничениями прав на объединение, на пользование языком и культурой, на доступ к образованию, с другой, нет. Формальных и неформальных социальных границ между гражданами и теми, в ком государство не признает граждан РФ, в последнее время и так установлено сверх всяких мыслимых пределов.

Толерантность. Благодаря деятельности ЮНЕСКО слово «толерантность» в 90-е годы широко распространилось в мире, а в последнее время, особенно после принятия в 2001 г. Федеральной целевой программы "Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001 - 2005 годы)" стало необычайно популярным и у нас. Вряд ли в связи с этим концептом открываются какие-то новые перспективы правового регулирования, но он, несомненно, влияет и будет влиять на общественное сознание, в том числе мышление политиков и управленцев, и в целом на публичную повестку дня. Каким образом?

Толерантность не тождественна русскому понятию «терпимость», а, напротив, означает восприятие культурного, этнического и религиозного разнообразия как ценности. Такой подход провозглашается и в Декларации принципов толерантности ЮНЕСКО 1995 г., и в федеральной целевой программе. Его можно только приветствовать с самых разных точек зрения, но...

Проблема может вызвать не текст, а контекст. Само по себе понятие «толерантности» проблематизирует особенности сознания и поведения. Дискриминационные деяния, проявления ксенофобии, акты насилия есть формы осознанного поведения, а потому можно говорить об их моральных, психологических и культурных компонентах. Такого рода обсуждение приемлемо до тех пор, пока все проблемы в этнических отношениях не начинают сводить к особенностям воспитания и поведения, тем более к «отклонениям» в поведении. Когда социологи и активисты антирасистских движений говорят о том, что дискриминация преимущественно носит институциональный характер, они совершенно правы. Индивид, как правило, дискриминирует другого индивида не из-за пробелов в воспитании и не из-за внезапных позывов сделать кому-то пакость. Напротив, сложившиеся в обществе отношения (установленные правила, приказы начальства, традиции, привычки, стереотипы восприятия и поведения, общественное мнение) побуждают вести именно таким образом, то есть создают одновременно возможности и стимулы для дискриминационного поведения¹¹. Это не снимает вопроса о противоправном и виновном характере дискриминационных деяний, но в политическом смысле стратегия противодействия дискриминации должна основываться на пересмотре и ликвидации именно ее институциональных основ.

Для примера – сотрудник милиции останавливает людей, которые выглядят как «кавказцы», и проверяет у них документы со всеми вытекающими последствиями не потому, что он лично не любит «кавказцев» или потому, что дурно воспитан. Дело в

---

¹¹ Само собой разумеется, к институциональной следует причислить и все формы умышленной организованной дискриминации

существовании паспортной системы, в том она включает в себя институт регистрации по месту пребывания, в том, что тот может работать, только будучи подкреплен непрерывными выборочными проверками большого числа людей, в том, что от милиции требуют обеспечить контроль за соблюдением «паспортного режима» и даже дают плановые задания по отлову «нарушителей», в том, что наиболее вероятно выловить «нарушителя» среди тех, кто визуально отличаются от основной массы населения. Сюда следует добавить и инструктаж руководства и общие ксенофобские установки личного состава и пр.

Интерпретация институциональной дискриминации как неравенства между «доминирующей» нацией и «угнетенными» меньшинствами не есть, мягко говоря, корректная операция. Но противоположный подход – сведение социальных проблем к проблем моральным и поведенческим – ничуть не лучше. Если мы говорим только о «культуре» сотрудников милиции и «забываем» про паспортную систему в целом, то тем самым утверждаем, что в ней ничего не нужно менять. Если мы говорим про «терпимость» к беженцам и не упоминаем то, что значительная часть бывших советских граждан в РФ не по своей вине, а решением государства поставлены вне закона, то мы прямо соглашаемся, что все сделанное с этими людьми – правильно.

Есть и еще один аспект «толерантности». Уже сейчас видно, что воспитание «установок толерантного сознания» сводится к этнографическому ликбезу, а точнее к культивированию представлений о том, что общество разделено по этническим линиям и в окружающих надо видеть прежде всего представителей той или иной этнической группы. Кстати, подобным же смыслом нагружается и понятие «мультикультурализм», но это уже требует отдельного разговора. Отдельная проблема – пропаганда «толерантности» может быть средством научить людей излагать ксенофобские идеи «политически корректным» языком, например, одновременно осуждать негативные высказывания об определенных «национальностях», но оправдывать гонения на «мигрантов».

Резюмируя, надо коснуться еще одного важного термина – *«расизма»*¹². Традиционные представления о расизме как неравенстве понимаемых в биологическом смысле *рас* в современной социологии уступили место более широкому пониманию в рамках концепций так называемого «современного», или «культурного» расизма. Его суть – в выведении социальных характеристик людей из их аскриптивных, приписываемых черт, в том числе происхождения или этнической принадлежности, а, следовательно – в поощрении или оправдании репрессивных практик против «проблемных» групп. В таком понимании наше общественное сознание остается преимущественно расистским, и освоение новых слов оборачивается просто риторическим обновлением старых мыслительных практик.

---

¹² Подробнее об этом см. сборник *Расизм в языке социальных наук*.